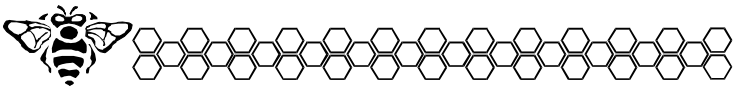

STUDIA HISTORICA

SERIES MINOR

А. А. БУЛЫЧЕВ

ИСТОРИЯ
ОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КАМПАНИИ
XVII века

Законодательные акты
второй половины 1620-х годов
о запрете свободного распространения
«литовских» печатных и рукописных
книг в России

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2004

ББК 63.3(2)46
Б 90

Булычев А. А.

Б 90 История одной политической кампании XVII века: Законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 144 с. — (Studia historica. Малая сер.). (Вклейка после с. 64)

ISBN 5-9551-0014-8

Книга посвящена изучению кампании по законодательному запрещению свободного распространения «литовских» изданий и рукописей в России во второй половине 20-х — начале 30-х гг. XVII в. В результате исследования указов царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета, санкционировавших сначала запрет на ввоз и торговлю украинскими и белорусскими книгами на территории Московии, а затем и их тотальную конфискацию в приграничных с Речью Посполитой уездах, можно говорить о политических, а отнюдь не о вероохранительных целях этой тщательно спланированной акции. Жесткие и весьма оперативные меры российского правительства хронологически совпали с наиболее серьезной попыткой учреждения автономного униатско-православного патриархата в Литве в 1620-х гг. Негативная реакция царя и патриарха на угрозу основания в Речи Посполитой церковного престола, по своему статусу равного московскому, была предопределена не только ожиданиями радикального изменения геополитической ситуации в регионе, но и заочным соперничеством Филарета со своим предшественником Игнатием Греком, эмигрировавшим из России осенью 1611 г. Полная неосведомленность патриарха Филарета о реальном положении и судьбе Игнатия в Великом княжестве Литовском превращала его фигуру в грозный политический «призрак», беспокоивший отца Михаила Федоровича до последнего дня жизни.

Предназначается как для профессиональных историков, так и для всех интересующихся историей Отечества.

ББК 63.3(2)46

*В оформлении обложки использованы изображения
митрополичьего места в Архангельском соборе Московского Кремля
и настольной грамоты иерусалимского патриарха Феофана
Филарету Никитичу Романову, 1619/1629 г.*

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshchev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavice@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

ISBN 5-9551-0014-8

9 785955 100142

© А. А. Булычев, 2004

© Языки славянской культуры, 2004

*Светлой памяти моего учителя
профессора Александра Лазаревича Станиславского*

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
<i>Примечания</i>	11
1. Законодательные акты конца 20-х — начала 30-х гг. XVII в. о запрещении свободного распространения украинских и белорусских книг в России	12
<i>Примечания</i>	38
2. «Антилитовская» кампания второй половины 1620-х гг. и проект создания униатско-православного патриархата в Речи Посполитой	49
<i>Примечания</i>	65
3. Преодоление последствий церковной «смуты» начала XVII в. (патриарх Филарет versus Игнатий Грек)	70
<i>Примечания</i>	96
Заключение	108
Приложение	111
Список сокращений	128
Указатель имен	129

ВВЕДЕНИЕ

Выдающаяся роль украинской и белорусской книжности XVI—XVII столетий в процессе «европеизации» отечественной духовной жизни и в насаждении на российской почве ростков секуляризированной западноевропейской культуры общеизвестна¹. Во второй половине 1620-х гг. московские светские и церковные власти развернули хорошо организованную кампанию по законодательному запрету свободного распространения в России «литовских» печатных и рукописных книг, в результате которой русское образованное население почти на целое пятилетие лишилось легального доступа к памятникам кириллической письменности Речи Посполитой.

По сию пору в историографии господствует мнение о прямом влиянии на царя и патриарха, неожиданно превратившихся в беспощадных гонителей православной польско-литовской книжности, неблагоприятных отзывов местных начетчиков, освидетельствовавших богословские писания двух украинских теологов, — Лаврентия Зизания Тустановского и Кирилла Транквилиона Ставровецкого, соответственно в январе и в начале ноября 1627 г. Свои выводы большинство исследователей основывали на анализе содержания совместных указов

Михаила Федоровича и Филарета последних месяцев 1627 — февраля 1628 года. Первый был посвящен конфискации и сожжению сочинений Кирилла Транквилиона с последующим запрещением торговать на территории страны любыми «литовскими» печатными изданиями и «письменными» кодексами, ввозимыми из-за рубежа. Историки датируют его обычно 1 декабря 1627 г. Второй, выпущенный в начале 1628 г., подробно описывал, по мнению ученых, процедуру изъятия произведений украинско-белорусской книжности не только из частных собраний городских и сельских жителей, но и из всех библиотек церквей и монастырей Московского государства². При этом лишь немногие исследователи обратили внимание на существование еще более раннего, октябрьского, царского указа 1627 г. о воспрещении россиянам покупать «литовские» книги у иноземных «торговых людей»³.

Новый свет на историю законодательного преследования властями Московии единой письменности Речи Посполитой во второй половине 20-х гг. XVII в. проливают делопроизводственные материалы средневековых архивов Оружейной палаты, Посольского, Разрядного и Сибирского приказов, изучению которых и посвящена настоящая книга.

Появление этого исследования не было бы возможно без благожелательного участия коллег «по цеху», сделавших немало ценных замечаний во время обсуждения отдельных его разделов на заседании семинара «Социально-политическая и культурная история России XII—XVIII веков» (РГАДА), а также в многочисленных личных беседах. Поэтому автор считает своей приятной обязанностью выразить искреннюю благодарность за помощь и поддержку А. А. Турилову, Б. Н. Флоре, В. Г. Ченцовой, Ю. М. Эскину, Б. Л. Фонкичу, В. В. Калугину, А. В. Лаврентьеву, С. Н. Кистереву, Л. А. Тимошиной, А. В. Антонову, А. В. Малову, О. А. Курбатову, протодиакону А. Агейкину (РПЦ). Отдельная благодарность моей жене А. К. Бульчевой, на чью долю выпало быть первым неллицеприятным читателем данной работы.

Примечания

¹ См.: *Лаппо-Данилевский А. С.* История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв. М., 1990. С. 123—126; *Еремин И. П.* Лекции и статьи по истории древнерусской литературы. 2-е изд., доп. Л., 1987. С. 208—209, и др.

² См.: *Макарий (Булгаков), митрополит.* История Русской церкви. М., 1996. Кн. 6. С. 298—303; *Г-в А. (А. П. Голубцов).* Судьба «Евангелия учительного» Кирилла Транквилиона Ставровецкого // ЧОЛДП. 1890. Вып. 1. С. 535—575; *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Париж, 1959. Т. 2. С. 101—102; *Маслов С. И.* Кирилл Транквилион-Ставровецкий и его литературная деятельность: Опыт историко-литературной монографии. Киев, 1984. С. 172—177; *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. Мюнхен, 1970. С. 71; *Дзюба Е. Н.* Просвещение на Украине и его роль в укреплении связей украинского народа с русским и белорусским: Вторая половина XVI — первая половина XVII в. Киев, 1987. С. 96; *Голенченко Г. Я.* Идейные и культурные связи восточнославянских народов в XVI — середине XVII в. Мн., 1989. С. 92—93; *Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 156—173; *Она же.* «Прения с Евангелием учительным» Кирилла Транквилиона-Ставровецкого в русской богословской полемике XVII века // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 2000. С. 185—193; *Она же.* «Книги литовской печати» в «спецхране» Московского Кремля // Славяноведение. 2002. № 2. С. 140—148; *Лобачев С. В.* Патриарх Никон. СПб., 2003. С. 45—46; *Bushkovitch P.* Religion & Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries. N.Y.; Oxford, 1992. P. 53, и др. Ср.: *Uspensky B. A.* The Schism and Cultural Conflict in the Seventeenth Century // Seeking God: The Recovery of Religious Identity of Orthodox Russia, Ukraine, and Georgia. DeKalb, 1993. P. 110.

³ См.: *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914. С. 103—113; *Исаевич Я. Д.* Преемники первопечатника. М., 1981. С. 144—145.

1. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ КОНЦА 20-х — НАЧАЛА 30-х гг. XVII в. О ЗАПРЕЩЕНИИ СВОБОДНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ УКРАИНСКИХ И БЕЛОРУССКИХ КНИГ В РОССИИ

В конце XVI — первой четверти XVII столетий «литовские» печатные издания и рукописные кодексы совершенно беспрепятственно распространялись на территории Московского государства¹. Ситуация радикально изменилась осенью 1626 г., когда царский указ в Путивль воеводам стольнику Б. М. Нагово (Нагому) и П. Н. Бунакову фактически ввел практику принудительной высылки за пределы страны книготорговцев из Речи Посполитой после досмотра их книжного «скарба» в российской столице. Формальным поводом для его принятия послужил прецедент, созданный во второй половине августа — сентябре теми же путивльскими администраторами, которые сначала задержали, а затем препроводили в Москву киевлян Матюшку Григорьева и Сеньку Селиванова вместе со всеми обнаруженными у них книгами². Среди отобранных у «торговых людей» изданий имелись экземпляры Анфологиона (1619 г.), «Слова на латинов» Максима Грека (около 1620 г.), «Бесед на 14 посланий святого апостола Павла» (1623 г.) и «Бесед на „Деяния святых апостол“» (1624 г.) Иоанна Златоуста, Акафистов (1625 г.), отпечатанные в типографии Киево-Печерской

лавры. В их число входило и «Учительное Евангелие», изданное, вероятно, в Рохманове в 1619 г.³

Судя по перечню книг, изъятых у М. Григорьева и С. Селиванова, это была рядовая для тех лет торговая партия украинских изданий, часть из которых ранее не только подносилась киевским первоиерархом царю Михаилу и патриарху Филарету в подарок, но и охотно теми принималась без каких-либо явных «прещений»⁴. Тем не менее осенью 1626 г. все эти книги вызвали недоверие у столичных цензоров, отчего продавцам поневоле пришлось вернуться к себе на родину в Речь Посполитую со всем привезенным товаром, без барыша.

Осенний указ 1626 г. упоминался во вступлении к более поздней грамоте из Государева Разряда в Вязьму воеводам, стольнику князю В. П. Ахамашукову-Черкасскому и Д. А. Замыщкому, и дьяку М. Сомову, составленной, по-видимому, между сентябрем — началом октября 1627 г. (документ № 1)⁵. Такую датировку указной грамоты, от текста которой сохранилась лишь преамбула, можно аргументировать следующими соображениями. Во-первых, описание коллизии, сопровождавшей появление правительственного постановления осени 1626 г., снабжено пояснением: «в прошлом во 135-м году», что убедительно свидетельствует о времени составления самого документа после означенного года. А во-вторых, во введении к аналогичному приказному акту с изложением октябрьского царского указа 1627 г. сделана прямая ссылка на предшествующее распоряжение московского монарха, очевидно, близко совпадавшее с ним по содержанию: «И те книги из Киева и из иных из литовских городов мимо твой государев указ торговые люди привозят в Путивль и в иные города и продают для смуты всяким людям»⁶. Иными словами, выпущенный в конце августа — сентябре 1626 г. первый законодательный памятник с его относительно мягкими условиями депортации иноземных книготорговцев создал столь необходимый для начала полномасштабной кампании юридический прецедент. Изданный почти год спустя, в сентябре 1627 г., второй подобный акт, преамбулу которого со-

хранила грамота, отправленная из Разрядного приказа вяземским воеводам, представлял собой, скорее всего, документ более «общего» характера, запрещавший ввозить на территорию Московии какие бы то ни было украинско-белорусские издания и рукописи для сбыта их на внутреннем книжном рынке. Похоже, что именно его имели в виду авторы октябрьского постановления правительства, упоминая предшествующий «государев указ» о запрещении воеводам приграничных городов пропускать через рубежи Русского государства негоциантов с «литовскими» печатными изданиями и «письменными» кодексами.

Практика принудительной высылки иностранцев, привозивших на продажу в Россию украинские или белорусские книги, получила свое дальнейшее развитие в новом законодательном акте, выпущенном от имени московского самодержца, вероятно, в октябре того же 1627 г. По нему провинциальным администраторам вменялось в обязанность следить за строгим соблюдением вводимого для населения запрета покупать «заповедные» издания и кодексы у купцов из Литвы не только внутри страны, но и за ее рубежами. Понятно, что это постановление касалось главным образом русских «торговых людей», нередко доставлявших из-за границы партии книг «литовской печати», вполне сопоставимые по своим объемам с поставками их украинских и белорусских коллег. О том, как оно претворялось в жизнь, поведал один из пострадавших отечественных книготорговцев, посадский человек Кирилка Савостьянов: путивльские воеводы заставили его вывезти обратно в Речь Посполитую все приобретенные там издания, предложив организовать их продажу уже за пределами России⁷. Тех же иноземных негоциантов, кто осмелился бы нарушить царский указ прямо в его владениях, ожидала немедленная депортация со всем товаром назад в Польско-Литовскую державу.

Во вступительной части октябрьского указа жесткие ограничения торговли произведениями единоверной украинской и белорусской книжности мотивировались известием о

переходе в унию талантливому полемисту и богослову Кириллу Ставровецкому, который после своего отпадения от православия «в Учительные Евангилья и в иные книги литовские печати... многие латынские ереси вводит тайно»⁸. Откровенно преувеличенные обвинения в его адрес появились в грамотах с текстом указа, очевидно, под воздействием резко отрицательного отзыва переяславского никитского игумена Афанасия Китайчича о личности автора и содержании рохмановского Учительного Евангелия, сделанного в специальном челобитье царю и патриарху в начале октября 1627 г.⁹ Любопытно, что Афанасий, критикуя сочинение Транквилиона, ссылаясь, в частности, на факт его осуждения священноначалием Киевской митрополии на Соборе 1625 г. Для выхода из Речи Посполитой, к коим принадлежал никитский настоятель, подобная апелляция была вполне естественной, однако вряд ли можно согласиться с широко распространенным в отечественной историографии мнением об авторитетности этого соборного постановления для справщиков Печатного двора в Москве¹⁰. В деяниях архиерейского собора, *созванного в одной из епархий Константинопольского патриархата*, сборник проповедей Кирилла Ставровецкого объявлялся неправославным произведением, которое «никому от... благочестивых христиан ни в церквах, ни в домех не держати, не чести, ни покупати». Несмотря на всю прагматическую выгоду такой негативной оценки рохмановского Учительного Евангелия для патриарха Филарета Никитича или работников государственной типографии, оно не имело ни канонической, ни юридической силы не только для духовенства и мирян автокефальной Русской церкви, но и для епископата и паствы других епархий Цареградской патриархии. Иными словами, московские цензоры произведения Транквилиона, безусловно, должны были оценить удобство вердикта Киевского архиерейского собора 1625 г., существенно упрощавшего поставленную перед ними задачу, однако они явно не воспринимали его решения для себя обязательными и, тем более, авторитетными.

Для иностранных «торговых людей» этот указ предусматривал совершенно другое, абсолютно деидеологизированное, объяснение вводимых санкций: воеводы порубежных городов обязаны были убеждать приезжих купцов, что в «Московском государстве всяких книг много московские печати» и именно поэтому предлагаемый ими товар в России ненадобен¹¹.

Обоснования учреждаемых октябрьским законодательным актом запретительных мер в обоих случаях не выдерживают сколько-нибудь беспристрастной научной критики. Так, религиозная измена заурядного иеромонаха, чье реальное влияние на дела киевской кафедры оставалось ничтожным вплоть до момента его присоединения к унии¹², вряд ли могла явиться действительной причиной введения столь строгих ограничений в торговле с соседней страной. Похоже, что и духовные и светские власти в Москве, отлично осведомленные обо всех по-настоящему авторитетных лидерах православной церкви в Литве, явно лукавили, наделяя Транквилиона способностью «портить» издания целой митрополии, которая к тому же стала для него, униатского архимандрита, отныне совсем чужой. Наконец, не менее фантастической выглядела правительственная декларация о полном обеспечении внутреннего книжного рынка продукцией единственной в ту пору русской типографии — столичного Печатного двора¹³.

Положения царского указа октября 1627 г. известны ныне только по его пересказам в отписках провинциальных воевод о получении на местах грамот из Разряда. Подробное изложение нормативной части этого памятника встречается в одной из самых ранних воеводских отписок об исполнении его предписаний, отправленной в Разрядный приказ из Великих Лук стольником В. А. Третьяковым-Головиным с местным сыном боярским С. Костюриным, которую тот и доставил в Москву 27 ноября 1627 г. (документ № 2)¹⁴. Текст преамбулы октябрьской указной грамоты, опущенный при составлении ответного документа в Великолуцкой приказной избе, читается в позднейшей отписке торопецкого воеводы стольника князя В. Г. Ромодановского и подьячего Д. Алексева от 9 февраля 1628 г.¹⁵

Монарший указ октября 1627 г. предоставил в распоряжение правительства весьма эффективный правовой механизм полного прекращения легальных поставок на территорию Российской державы «литовских» книг из Речи Посполитой. В середине ноября августейшие соправители — Михаил Федорович и Филарет Никитич — приступили к созданию аналогичного законодательного инструмента для окончательного пресечения свободного распространения украинско-белорусских печатных изданий и «письменных» кодексов внутри страны. Причем проблема состояла не только в ликвидации торговли в Московии «заповедными» книгами, ввезенными на ее территорию до выхода осенних запретительных актов 1627 г., но и в подготовке массовой конфискации таких изданий и рукописей у населения и духовных корпораций. Наиболее подходящей юридической формой для проведения этой беспрецедентной акции стал совместный указ московских самодержца и первосвященника¹⁶, учитывавший нюансы средневекового права с его довольно широким судебным иммунитетом и, главное, имущественной независимостью Церкви от «градских» властей¹⁷.

Первый по времени такой законодательный акт предписывал провести повсеместное изъятие и вслед за тем принудительное сожжение сочинений Кирилла Ставровецкого с запрещением подданным впредь торговать «литовскими» книгами на всем пространстве обширного Русского царства. Нарушителей, утаивших издания «Кирилова слогу», а также замеченных в продаже или покупке украинско-белорусских книг, ожидало суровое «великое градское наказание» — бичевание кнутом и церковное проклятие. Отписки о получении на местах указных грамот с подробным описанием своих действий по их исполнению воеводы обязаны были направлять на Патриарший Двор (на самом деле — в Патриарший Разряд) боярину князю А. В. Хилкову и дьякам Ф. Рагозину и Г. Леонтьеву¹⁸. Туда же следовало отправлять и специальные именные росписи лиц, хранивших по домам произведения Транквилиона.

Содержание первого совместного указа царя и первосвященника знакомо большинству исследователей по его пересказу в грамоте из Приказа Казанского дворца верхотурскому воеводе князю С. Н. Гагарину и подьячему П. Максиму от 1 декабря 1627 г.¹⁹ Единственная на сегодня публикация этого интересного документа, выполненная еще в 1820-х гг., к сожалению, изобилует погрешностями при передаче текста²⁰. Более того, ошибочно приняв рядовой приказной акт за какую-то особую «окружную грамоту», археографы первой четверти XIX в. невольно способствовали неоднократным попыткам представить в позднейшей историографии его датировку в качестве даты судебного решения указа в Думе²¹.

Уточнить время, когда было принято данное постановление царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета, определившее дальнейшую судьбу «литовской» православной книжности в России, позволяет находка в архиве Оружейной палаты комплекса делопроизводственных материалов Владимирской и Галицкой четвертей. Благодаря обнаруженным документам можно проследить изменения текстовой формы указа едва ли не с момента его записи со слов «великих государей» в Боярской думе и до дня отправки из территориальных приказов грамот по городам с лаконически точным изложением составленного в Разряде исходного текста²².

Наиболее раннюю редакцию этого законодательного акта, явно восходившую к первоначальной записи судебного решения, отразила подлинная память²³ из Разрядного приказа дьяку Г. П. Золотареву во Владимирскую и Галицкую четверти о посылке в подведомственные города указных грамот с его пересказом. «Приписана» она была вторым дьяком Государева Разряда М. Ф. Даниловым 25 ноября 1627 г. (документ № 3)²⁴. Судя по датировке приказного документа, непосредственное принятие самого указа могло состояться в Думе не позднее второй декады ноября²⁵.

Предписание разрядной памяти Г. П. Золотарев выполнил в конце ноября — декабре 1627 г., когда в подначальных ему учреждениях завершилась работа над указными грамота-

ми во Владимир и Коломну, тексты которых послужили образцом для аналогичных им актов, разосланных в провинцию. В них под пером столичных бюрократов исходная запись указа «великих государей», сделанная в Разряде, обрела законченную форму приказного документа, уже вполне пригодного для распространения по российским городам.

Черновой отпуск указной грамоты во Владимир воеводе К. Н. Волкову и подъячему С. Дохтурову «писан на Москве» в одноименном четвертном приказе 30 ноября 1627 г. (документ № 4)²⁶. В делопроизводственной приписке к основному тексту памятника сообщалось, что подобные акты были отправлены из Владимирской чети еще в двенадцать других городов: «во Тверь, в Торжок, на Тулу, в Переславль, в Зараской, в Торусу, в Путивль, в Рылеск, Воротынеск, в Колугу, на Волуйки, в Боровеск». Позднее запись о посылке документа в Тарусу по неясной причине оказалась вычеркнута из этой приписки.

Второй черновой отпуск подобной грамоты, адресованной властям Коломны, приказные дельцы Галицкой четверти составили в декабре 1627 г.²⁷ В отличие от предыдущей рукописи, текст настоящего акта сохранился не полностью: в его начале утрачен примерно один столбцовый лист. Как следует из поздней делопроизводственной приписки к документу, сходные по содержанию указные грамоты направлялись из Галицкой чети, помимо Коломны, «во Брянеск, в Карачев, во Мценеск, в Белев»²⁸.

Воеводские отписки о выполнении на местах распоряжений ноябрьского указа ясно доказывают существование двух, отличных друг от друга, видов приказных актов, отсылавшихся из столичных приказов по городам в последней декаде ноября — декабре того же года.

В первом случае такой документ извещал местных администраторов о только что принятом совместном постановлении московских самодержца и патриарха середины ноября месяца. Кроме обнаруженных ныне указных грамот Владимирской и Галицкой четвертных приказов, аналогичный юридический